

Не успела раздаться трель дверного звонка, как громогласный веселый лай Гектора заставил Люду оторваться от ноутбука. Обезумевший от счастья доберман чуть не сшиб ее с ног, когда она открывала дверь, но, только завидев хозяина, притих, заискивающе заскулил и неуклюже завертелся вокруг его ног юлой, зная, что распускать лапы и слюни с ним не полагается, иначе можно получить по первое число. Он тыкался мокрым носом в его ладонь, дрожа всем телом, прижимал уши и косил глаза вверх, ожидая, когда же вожаемая рука одобрително коснется его головы. Люда встала в стороне, прислонившись к стене и скрестив на груди руки. Как же этот глупый пес иногда напоминал ей саму себя, особенно в былые дни, когда она просто млела от одного только умелого прикосновения этого мужчины, которому почти удалось превратить ее в свою тень. Впрочем, так ли все изменилось сейчас?

Саша неторопливо поставил на пол кейс, снял мокрый плащ, оставшись в великолепно сидящем темно-синем шерстяном костюме-тройке, и провел рукой по волосам, пытаясь избавиться от лишней влаги. С тяжелых черных прядей почти ручьями стекала вода. Он коротко погладил собаку, одним этим скупым движением отправляя ее на седьмое небо, и сухо бросил: «Место». Гектор, преодолевая страстное желание остаться с хозяином, послушно убежал прочь, а хозяин перевел взгляд на другую свою живую собственность, терпеливо ожидающую своей очереди.

Даже теперь, когда слепая влюбленность в этого дьявола осталась для Люды далеко позади, она не могла не трепетать в его присутствии. Впечатлять он умел: всегда одетый с иголки, блистательный и хладнокровный, как какой-нибудь Филеас Фогг. Он смерил ее взглядом, словно считывая ее настроение, желания и страхи, чтобы знать, чем выгоднее будет манипулировать на этот раз. Единственное, о чем Люда могла в этот момент думать, это о том, что предала его, и теперь ее постигнет возмездие, потому что он видит ее насквозь. Когда он подошел ближе, она не хотела на него смотреть, но ей пришлось. Это было выше ее сил, словно безмолвный приказ телепата из какого-нибудь жуткого фильма ужасов. Всякий раз понимаешь, что все это — плод твоей фантазии, и все равно боишься, как ребенок, впервые увидевший ночной кошмар.

Взгляд его пронизывающе синих глаз пригвоздил ее к месту.

Девушка выглядела безупречно — этого требовал весь ее образ жизни, ставящий ее в жесткие рамки полного самоконтроля. И этого требовал от нее он — идеального тела, изысканного вкуса, максимум лоска. Всегда. Двадцать четыре часа в сутки. Люду слегка била дрожь, когда его жесткий взгляд скользил по ее вспененным ангельски белокурым локонам, по прелестному личику, мастерски украшенному макияжем, по бретелькам из тончайшего кружева на белоснежных плечах, по часто вздымающимся грудям с торчащими под шелковистой тканью маленькими сосками. О, это платье было в его вкусе: простой элегантный покрой, скромный вырез, голая спина, узкий пояс, летящая коротенькая юбочка, едва прикрывающая ягодицы. И под ним — ничего, кроме кружевных трусиков.

Родители, брат с женой и друзья семьи уже ждали их к ужину в загородном доме. Сашин самолет задержался на четыре часа, и Люда вторую половину дня прождала его в его квартире, прогуляв оставшиеся занятия. Это холодное малообжитое место едва ли можно было назвать их любовным гнездышком — это была всего лишь его территория для встреч, которых Люда также сильно ждала, как и боялась. И эта территория ...

скорее напоминала ей космический корабль будущего, неспешно летящий к неизведанным, таящим опасность вселенным, чем жилое помещение: стерильная белизна стен, математически выверенные черные геометрические формы мебели, стекло, металл, пластик, зеркала и ни единого цветового пятна. Порой девушка сомневалась, что тут вообще можно жить, не сойдя с ума от однообразия.

— Привет, котенок, — наконец низким полусшепотом произнес Саша, подобравшись к ней вплотную. В его голосе не слышалось ни капли нежности — даже в этом ласковом обращении звучали лишь повелительные нотки и предупредительная угроза. От ощущения его близости Люда как всегда растерялась и вся напряглась. Повисла мучительная пауза. — В чем дело? — насторожился он, заранее предвидя очередные разборки. Он погладил тыльной стороной пальцев ее щеку, заправил за ухо ее волосы и склонился к ее лицу.

Люда собиралась высказать ему все, что думала о его задержке в командировке на целых два дня, о выключенном мобильном и, кажется, что-то еще, но в последний момент все это вылетело у нее из головы. Она соскучилась и чувствовала постыдное возбуждение.

— Ни в чем... , — едва слышно шепнула она, теряя голос, прежде чем его губы требовательно прильнули к ее приоткрытым губам. Его поцелуи всегда ее обескураживали и лишали всякой воли, превращая в глупую девчонку, не способную совладать с собственными желаниями. Его рука скользнула вниз по ее шее, бесцеремонно сжала грудь под тонкой тканью, и Люда слабо застонала то ли от боли, то ли от наслаждения, одурманенная завораживающими движениями его языка у себя во рту. Холодная вода, стекающая с его волос, капала на ее разгоряченную кожу, но она не ощущала прохлады, потому что вся пылала, как уголек, и вопреки собственным недавним намерениям проявить сдержанность в чувствах, обвивала руками шею Саши и перебирала пальцами его тяжелые насквозь вымокшие волосы. В трусиках у нее то мучительно сжимался, то бессовестно распускался бутон желания. Его пальцы невыносимо медленно поглаживали его сквозь тонкую влажную ткань, она начала задыхаться и попыталась отстраниться. Неожданная боль вырвала ее из этого дурмана и она едва сдержала крик, прижав пальцы к губам.